

С. 121. Он не понимал, как можно не знать Некрасова, Лермонтова, как можно не помнить Грибоедова, Гоголя, не говоря уж о Пушкине.

К тому же они владели латынью. А латынь давала знание корней большинства европейских языков. Поэтому, не тратя особо времени на грамматику, они говорили по-французски, по-английски, понимали кое-как по-итальянски.

С. 320. Он чувствовал себя рекой, текущей уже долго и бог знает откуда. В нем были воды верховья и тот исток, с которого все началось; в сущности, он жил много раньше, чем появился на свет, он был из прошлого века. Россия Тургенева, Чехова и Россия гражданской войны, Россия послевоенная, современная, Европа довоенная, гитлеровская Германия, атомный мир — в нем сошлись все эпохи нашего века, и все они продолжали пребывать в нем...

С. 251. Независимость связана была и с родословной, с предками, правилами чести. Связь эту гениально уловил и сформулировал Пушкин:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Задумываясь над секретом Зубра, убеждаешься, что в нем было развито именно самостоянье — слово, изобретенное великим поэтом. Самостоянье как объяснение величия, как ощущение себя продолжателем знатного рода, обязанным охранять его честь.

С. 131. Хотелось бы подслушать разговор этих двоих, полюбоваться, как гуляют они по аллеям парка в Бухе. Всегда есть что-то волнующее в свиданиях великих: Бетховен и Гете, Толстой и Горький, Эйнштейн и Бор. Их притяжение, их отталкивание. Причем чаще — отталкивание. Необъяснимое для простых смертных нежелание общаться, даже встретиться. Помню, как, узнав, что Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой очутились однажды на лекции в одной аудитории, видели друг друга и не стали знакомиться, я долго мучился этим несостоявшимся свиданием.